

лишь в определенной сфере деятельности, во-вторых, свойства, которые порождают неосторожность, независимы от сферы деятельности субъекта. Устойчивость и сфера проявления таких свойств должны подсказать направления профилактических усилий. Эти свойства должны учитываться при организации профотбора, профессиональной ориентации и т. д.

Вместе с тем практика показывает, что в основе нарушений правил предосторожности и общественной безопасности лежат антисоциальные взгляды и привычки (эгоизм, неуважение к людям, демонстративное пренебрежение нормами предосторожности и т. д.). Эти привычки проявляются и в самом характере нарушений; грубейшие нарушения носят подчас сознательный, злостный характер. Еще значительной остается и доля лиц, совершающих такого рода опасные правонарушения в нетрезвом состоянии. Такие нарушения отражают во многом отрицательные социальные позиции виновных и их безответственное отношение к общественным интересам.

Таким образом, перспективы борьбы с неосторожными деяниями следует связывать в первую очередь с нейтрализацией объективных факторов, «разгрузкой» криминогенных ситуаций, имеющих место в механизме неосторожного поведения. И лишь в тех случаях, когда речь идет об устойчивых характеристиках личности, создающих опасную ситуацию или явно доминирующих над ситуативными факторами, особенностям личности и профилактическому воздействию на эти субъективные факторы принадлежит решающая роль.

УДК 355.01

А.А. Мушта, кандидат философских наук, доцент

СТРЕССОВО-КРИЗИСНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ГИБРИДНЫХ ВОЙН КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ МЕГАПРОБЛЕМА (на опыте вооруженного конфликта на востоке Украины)

Важнейшей характеристикой вооруженных конфликтов XXI в. стал их гибридный характер. Главный признак такого вида военных действий – применение в качестве военной силы иррегулярных воинских формирований из состава наемников или боевиков наряду, а часто и вместо вооруженных сил. Другой признак – активное использование невоенных способов воздействия на противника одновременно или заблаговременно до начала прямых военных действий. Широкий арсенал средств политического, социально-экономического, информационно-

психологического и собственно военного характера задействуется для нанесения урона противнику по всему спектру жизнедеятельности государства и общества.

В условиях ведения гибридных конфликтов существенно возрастает роль морально-психологических факторов, что обусловлено следующими обстоятельствами:

высокой динамикой развития военно-политической и морально-психологической обстановки;

широким применением неконвенциональных способов морально-психологического и вооруженного воздействия на личный состав вооруженных формирований и население противника;

высокой интенсивностью информационно-психологического противоборства в течение всего вооруженного конфликта;

относительно быстрым истощением морально-психологических сил вовлеченных в конфликт сторон.

В числе неблагоприятных, потенциально опасных психологических последствий информационно-психологического воздействия гибридного конфликта военные социологи и психологи называют:

дисфункциональность (частичные нарушения либо полная неспособность к выполнению поставленных задач отдельными военнослужащими, воинскими подразделениями, органами военного управления, а также гражданскими структурами и их персоналом вследствие ошибочного или неадекватного восприятия и интерпретации информации);

изменение психического и физиологического состояния военнослужащих (возрастание напряженности, тревожности, появление депрессии);

снижение способности индивидов к самостоятельному принятию важных решений;

увеличение психиатрической или психогенной соматической заболеваемости, рост числа пограничных нервно-психических расстройств;

снижение психологического потенциала личного состава воинских частей, подразделений, органов военного управления.

Что касается социально-психологических последствий вооруженного конфликта на востоке Украины, то, по мнению наблюдающих за ним экспертов, наиболее уязвимыми и проблемными в социально-психологическом измерении являются две весьма сложные по своему составу группы: мирные жители Донецкой и Луганской областей и лица, принимавшие непосредственное участие в военных действиях в формате антитеррористической организации (АТО).

Ряд украинских социологов и психологов обоснованно утверждают о существовании в обществе так называемого «Донбасского синдрома». При этом, по их мнению, данный синдром проявляется на мегауровне –

не только на личностном, коллективном и региональном, но и на институциональном, общенациональном уровнях, т. е. охватывает весь украинский социум. Как показывает анализ, стрессово-кризисные последствия вооруженного конфликта являются системным вызовом для руководства страны и ее силовых и правоохранительных органов. Однако поиск общенационального консенсуса в отношении сути, масштабов последствий и приоритетов разрешения указанных проблем в Украине пока не завершен.

В частности, нет единства в оценке масштабов посттравматического стрессового расстройства (ПТСР). Одни украинские психологи (например, Е. Иванова, Е. Костюк) утверждают, что примерно каждый пятый участник вооруженного конфликта, испытавший на себе в том или ином виде его последствия, страдает от ПТСР [1]. Представители Министерства обороны Украины, которые в 2015 г. отрицали наличие ПТСР у участников АТО, впоследствии стали заявлять о присутствии этого синдрома у 80–95 % военнослужащих, возвращающихся из районов боевых действий. Неоднозначный общественный резонанс вызвало выступление в сентябре 2017 г. главного психиатра-начальника клиники психиатрии главного военного клинического госпиталя Министерства обороны Украины О. Друзя в Комитете Верховной Рады Украины по вопросам охраны здоровья. В ходе обсуждения проблем психологической реабилитации участников АТО и уменьшения количества самоубийств среди демобилизованных военных полковник О. Друзь, сославшись на международный опыт, заявил, что участники боевых действий по возвращении в мирную жизнь могут стать угрозой как для собственных семей, так и для всего общества. При этом, по словам О. Друзя, 98 % из них нуждаются в квалифицированной поддержке и помощи вследствие действия боевых стресс-факторов. Расстройства бойцов характеризуются высоким уровнем конфликтности, повышенной агрессией, низкой работоспособностью, обострением и развитием хронических заболеваний, алкоголизмом, наркоманией, асоциальным поведением, повышением уровня суицидов, сокращением продолжительности жизни [2].

Симптоматично, что многие эксперты, а также и ветераны АТО, не согласившиеся с высказываниями О. Друзя, тем не менее указали на существующие здесь проблемы: в стране до сих пор не выстроена эффективная модель психосоциальной реабилитации; эффективные системные механизмы и комплексы реабилитации отсутствуют; нет ранней диагностики, позволяющей отделять ПТСР от последствий контузии или девиантного поведения; отсутствие протоколов поведения психологов и адаптированных к украинской специфике стандартов лечения ПТСР.

По мнению ряда экспертов (А. Караяни, И. Гайдамашко, С. Кандыбович), украинские психологи оказались не совсем готовыми к реше-

нию колоссального объема задач психологической подготовки, реабилитации и социально-психологической реадaptации участников боевых действий [3].

Сложившаяся ситуация побуждает военно-политическое руководство Украины принимать комплекс мер, направленных на восстановление морально-психологических возможностей участников боевых действий, усиление ресурсного потенциала и повышение реального вклада украинского психологического сообщества в целом. В числе этих мер можно выделить следующие: форсированная подготовка военных психологов в высших учебных заведениях; разнообразные формы взаимодействия зарубежного опыта; направление в зону АТО представителей различных гражданских психологических организаций; активное использование возможностей неправительственных психологических сообществ и волонтерских организаций и др.

В целом можно предположить, что в Украине постепенно формируется многоуровневая система помощи – от правового поля защиты и социальных гарантий до индивидуально-психологического консультирования, позволяющая нейтрализовать влияние деструктивных социально-психологических и информационных воздействий.

Список использованных источников

1. Справиться с ПТСР. Как в Украине психологи помогают военным адаптироваться к мирной жизни [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://update.com.ua/zhizn_tag/spravitsia-s-ptsr-kak-v-ukraine-psikhologi-pomogaiut-voennym-adaptirovatsia-k-mirnoi-zhizni_n4054/. – Дата доступа: 05.09.2017.
2. «Скрытый враг» Минобороны. За что уволили главного психиатра ВСУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rian.com.ua/analytics/20170921/1027879971.html/>. – Дата доступа: 21.09.2017.
3. Караяни, А.Г., Гайдамашко, И.В., Кандыбович, С.Л. Военная психология в контексте гражданской войны на Украине (критический анализ) // Юрид. психология. – 2017. – № 3. – С. 18–27.

УДК 159.9

И.Н. Минина, кандидат психологических наук

УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРИВЕРЖЕННОСТИ У КУРСАНТОВ ВЕДОМСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

В настоящее время в центре внимания многих исследований организационной психологии находится такая переменная, как преданность организации. В толковом словаре Ушакова преданность кому-чему-